РАЗДЕЛ XI. ФИЛОЛОГИЯ

Лагно В.В.

Функции сатиры и иронии в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»

*Евпаторийский институт социальных наук (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
(Россия, Евпатория)*

doi:10.18411/spc-22-10-2017-19

idsp: 000001:spc-22-10-2017-19

В русской литературе конца XIX – начала XX века достойным приемником «отцов сатиры» является Л.Н. Толстой, который в сатирическом изображении чиновничьего мира следует традициям Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Писатель выдвигал требование изображать человека не односторонне, а во всей сложности и многообразии его душевных проявлений. Резко отрицательное отношение Л.Н. Толстого к жизни, быту и нравам господствующих классов строго и последовательно отразилось на его художественном методе.

Сатира является наиболее сильным и эффективным средством разоблачения, следовательно, писатель в процессе работы над романом «Воскресение» вводит в обличительные сцены сатирические детали. Необходимо указать, что к изучению особенностей изображения чиновничьего мира в произведении писателя обращались Г.В. Аникин, В.Т. Плахотишина, А.А. Озерова, А.И. Поповкин, Н.К. Гудзий, Н.К. Ломунов, М.Б. Храпченко, Л.Н. Кузина и др. Их работы важны для нас, поскольку в них рассматриваются способы сатирического изображения власти имущих.

Актуальность поставленных писателем проблем не потеряла своего значения и сегодня. Как и раньше, чиновники управляют жизнью народа, не думая при этом о его благополучии. Цель нашей статьи – изучить особенности использования писателем сатиры и иронии в романе «Воскресение».

Л.Н. Толстой создает социальный роман, проходит по всем ступеням социальной лестницы помещичье-буржуазного государства. Он ставит вопросы о судьбе человека, о его месте в обществе, об отношениях государства, религии, права к человеку. Советский литературовед Н.К. Гудзий отмечает, что в «Воскресении» больше чем во всех других своих художественных произведениях, писатель подошел к критике современного ему общественного строя» [2, с. 153]. «Эгоизм, себялюбие, животная чувственность – вот черты морали господствующих классов, на которую обрушивается Толстой», – вторит исследователь Б.С. Рюриков [5, с. 467].

Основными средствами комического у Л.Н. Толстого являются ирония и сарказм. Самой комически безобразной была пошлость жизни – тяжелые будни бюрократизации и полицейщины, чиновничества и карьеризма. Писатель больше и больше раздвигал границы романа, вводя в круг непосредственного действия судей, сенаторов, представителей всех ступеней политической власти. Он показал людей из самых разнообразных социальных слоев. Чиновничий мир не только не проявлял намерений ослабить бремя, лежащее на плечах народа, но всячески усиливал его тяжесть. Против тех, кто признавал современный общественный порядок недостойным человека, усиливались репрессии и наказания. Исследователь Г. Кереселидзе указывал: «Открыто перейдя на сторону угнетенного народа, Л. Толстой поставил своей целью всеми доступными ему средствами, в частности, с помощью иронии и сатиры, бороться со злом жизни. Он решил подвергнуть беспощадному разоблачению обман экономический, политический, религиозный, обличить буржуазный строй,

порождением которого служат войны, суды, угнетения рабочих, ужасы самодержавия» [3, с. 195].

Раскрытие неестественности и ненатуральности в поведении представителей высшего общества, постоянное подчеркивание всеобщего лицемерия и притворства, развернутое сравнение с актерством комедиантов – всё это служит основой для комического освещения отрицательных образов, для заострения их сатирического характера. Социальное разнообразие действующих лиц романа «Воскресение» обуславливает и богатство приёмов их характеристики.

Мы видим, что представители правосудия вовсе не ищут правду, а считают, что народ – это питательная среда, где постоянно рождаются преступления, воспитываются злостные нарушители законов. В сценах суда критический реализм Л.Н. Толстого приобретает особый оттенок, выражающийся в сочетании сатиры с трагизмом огромной социальной силы. «Толстой постоянно отмечает неестественность, неискренность, условность и театральность поведения служителей Фемиды» [1, с. 80], – отмечает исследователь Г.В. Аникин. «Судьи облокачивались то на одну, то на другую ручку кресел, то на стол, то на спинку, то закрывали глаза, то открывали их и перешептывались» [6, с. 42], «неестественность и фальшь их положения, которые они в большей или меньшей степени испытывали, сидя в зале на своих местах, прошла, как только они вошли в совещательную комнату и закурили папиросы, и они с чувством облегчения разместились там...» [6, с. 91], – говорит Л. Толстой о присяжных.

Ярко рисует писатель сцену тюремного богослужения, «показавши бессмысленность церковной обрядности, под которой скрывается обман» [4, с. 15]. В этой сцене используется сатирический приём восприятия общественных явлений глазами простого человека, чуждого мистическому гипнозу. Во время молитвы священник заставляет измученных узников поклоняться: «арестанты падали подымались, встряхивая волосами, остававшимися на половине головы, и гремя кандалами, натиравшими им худые ноги» [6, с. 157]. В молитвах выражалось пожелание благоденствия царю и его семейству – это в той тюрьме, где находились те, которые по воле царя испытывали неслыханные издевательства. «Трудно придумать более дикое издевательство над людьми, как поклоны арестантов во время молитвы» [4, с. 15], – пишет А.И. Поповкин.

Толстой сатирически изображает церковные обряды, показывая бессмысленность и абсурдность этих процессов: «богослужение состояло в том, что священник, одевшись в особенную, странную и очень неудобную парчовую одежду, вырезывал и раскладывал кусочки хлеба на блюде и потом клал их в чашу с вином, произнося при этом различные имена и молитвы» [6, с. 154]. Автор снижает церковный обряд, называя предметы ритуала простыми словами: «на священнике был парчовый мешок», а не риза, в руках не золоченая дароносица, а «чашка с ложечкой», из которой после богослужения он «допил «кровь» и старательно обсосал усы», парчовый покров на чашу – «салфеткой», аналой – «столом» [6, с. 155].

С насмешкой показан и обряд целования креста. Снижение торжественности церемонии причащения достигается нарочитым огрублением слов: «священник, разговаривая со зрителем, совал крест и свою руку в рот, а иногда в нос подходившим к нему арестантам» [6, с. 157].

Толстой не только разоблачает сущность церковной веры, но показывает различное отношение к ней самих служителей церкви. В своем дневнике писатель отмечал: «Власть имущие развратились, потому что имеют власть и составили себе учение религиозное, соответствующее их развращению» [7, с. 116]. Писатель приходит к выводу, что все церковники – невежественные, совершенно ничтожные люди.

Сатирической является также сцена посещения Нехлюдовым обер-прокурора Святейшего синода Топорова, олицетворяющего собой союз церкви и государства. Автор выделяет ряд снижающих образ портретных деталей: «узкий плешистый череп»,

рука «с толстыми синими жилами», поджатые «в виде улыбки губы» [6, с. 335]. Исследователь М.Б. Храпченко отмечал: «Сам не веривший ни во что, Топоров крайне опасался освобождения народа от веры в церковные установления» [8, с. 331]. Он боится, что прошение о сектантах попадет в руки государя и возбудит неприятные вопросы. Перед Нехлюдовым он лицемерит, «искренне» сочувствует невинным людям, обвиняет в этом губернские власти. Писатель показывает всё ничтожество этого человечка, который боится признать свою вину и нагло говорит об интересах народа, охраняемых им. Но там не интересы народа, а «...твои интересы, только твои» [6, с. 336], – думает Нехлюдов. Это закоренелый лицемер и жестокий человек.

Мы не видим и сотовой доли стремления к «воскресению» ни у судей, ни у церковников. А ведь это те люди, которые призваны защищать народ, наставлять на путь истинный. Однако понятие порядочности, искренности и доброты им недоступно.

Таким образом, применение сатиры, иронии, сарказма создает особый стиль романа Л.Н. Толстого «Воскресение». Писатель прибегает к приёмам снижения образов в изображении чиновников. Сатира романиста направлена против всеобщего лицемерия, которым было проникнуто все общество того времени сверху донизу. Цель Толстого – не столько высмеивание ничтожества и пошлости представителей привилегированного общества, сколько разоблачение бесчеловечной и антинародной сущности самих институтов самодержавно-полицейского государства.

1. Аникин Г. В. Сатира Л. Толстого в 80-90-ые годы. – С.: Изд-во Уральского госуд. ун-та, 1957. – 128 с.
2. Гудзий Н. К. Л. Толстой. – М.: Художественная литература, 1960. – 213 с.
3. Кереселидзе Г. К истории создания «Воскресения» // Литературная Грузия. – 1987. – № 7. – С. 193-195.
4. Поповкин А. И. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение». – Т.: Художественная литература, 1954. – 36 с.
5. Рюриков Б. С. О русских классиках. – Москва: Художественная литература, 1972. – 527 с.
6. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в двадцати томах. – М.: Художественная литература, 1964. – Т. 13. – 536 с.
7. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двадцати томах. – Москва: Художественная литература, 1964. – Т. 20. – 367 с.
8. Храпченко М. Б. Собрание сочинений в четырех томах. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 2. – 525 с.

Мезенцева К.К.

Семантические группы заимствованной лексики в поэзиях Лины Костенко

*ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
(Россия, Симферополь)*

doi:10.18411/spc-22-10-2017-20

idsp: 000001:spc-22-10-2017-20

Аннотация

В статье рассмотрена и проанализирована заимствованная лексика украинского языка на примере поэзий Лины Костенко. В начале исследования поданы теоретические сведения о заимствованных словах в украинском языке. Также особое внимание уделено лексико-семантическим особенностям заимствований. Детально изучены семантические группы иноязычной лексики. С помощью описательного и структурно-семантического методов составлена их семантическая классификация, в которой выделено пять семантических групп и подсчитано количество заимствованных единиц в процентном соотношении.

Ключевые слова: иноязычная лексика, заимствование, семантика, семантическая классификация, варваризм, экзотизм, калька, иноязычное слово, заимствованное слово.